

30 ЯНВАРЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ академическом театре оперы и балета СССР имени Т. Г. Шевченко будут отмечать столетний юбилей режиссера-постановщика этого театра народной артистки республики, профессора Ирины Александровны Молостовой. Нет, мы не ошиблись: если приплюсовать к годам ее жизни годы творческой деятельности, получится именно такая дата. Однако, как считает сама Ирина Александровна, «еще не вечер». Именно так — «Еще не вечер» — виновница торжества и предложила назвать юбилейную встречу в театре. С годами она не растеряла врожденного чувства юмора (с оттенком иронии), которое у нее распространяется не только на окружающих, но и на собственную персону.

Встреча будет завтра, а сегодня И. А. Молостова в беседе с нашим корреспондентом размышляет о деле, которому посвящена жизнь.

— Судьба любого творческого человека, даже если она сложилась счастливо, полна не только радостями...

— Вы хотите спросить, были ли у меня в жизни «черные дни»? Пожалуй. Но я бы так не назвала. Хотя неприятностей и проблем, зачастую совсем не творческих, действительно хватало. И их бывает тем больше, чем активнее человек отстаивает свои гражданские и художественные принципы. Такой известный способ избежать неприятностей, как компромисс, для меня лично неприемлем. Может быть, поэтому я часто пребываю в состоянии конфликта и, кажется, слышу человеком с плохим характером. Но что поделаешь...

В конце семидесятых, когда я была главным режиссером Киевского театра русской драмы имени Леси Украинки, приходилось драться за каждую проблемную современную постановку. С трудом пробивались к зрителям «Провинциальные анекдоты» и «Гнездо глухаря». Спектакль «Синие кони на красной траве» по пьесе Михаила Шатрова не то чтобы был запрещен — просто полгода его не приходили принимать.

Можно ли было оставаться спокойной? И могла ли я подчиниться, когда после отъезда из Киева того же Шатрова, с которым мы вместе работали над «Большевиками», мне было предложено «все-го-навсего» убрать из спектакля два важнейших по смыслу монолога Луначарского.

А в связи с оперой Дмитрия Шостаковича «Катерина Измайлова» произошел совсем уж анекдотический случай.

минала на юбилей Кирилла Лаврова...

Потом была трудная, но счастливая работа с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем. По поводу «Катерины Измайловой» он сказал: «Если бы я был постановщиком, то поставил бы оперу так, как в Киеве».

— И не сделал ни одного замечания?

— Сделал. Одно. Но я его не очень афиширую. Со свойственным ему юмором Шостакович посоветовал нам после каждого акта быстрее включать свет в зрительном зале,

умел прорываться к свету, готовил обновление общества.

Да, пока у нас не появилось пьес, достойно отражающих те сложные процессы, которые сейчас происходят. Но ведь они требуют глубокого осмысления, а для этого нужно время.

Приходилось слышать упреки в адрес киевских театров: почему ничего нет про Чернобыль? А стоит ли откликаться на злобу дня пьесами-однодневками, пересказом газетных статей? И потом — что

заманишь — ведь они вырастают в загрязненной музыкальной атмосфере.

А проблемы у оперы есть: экономические, технические, репертуарные. Но главная — артист, который должен не только петь, но и быть драматическим актером. Сочетание столь редкое, что в истории отечественного оперного искусства мы едва ли вспомним десяток-другой славных имен. И все-таки мы, режиссеры, надеемся, что наши учебные заведения будут готовить именно таких — универсальных — исполнителей для оперных сцен. Иначе все наши режиссерские фантазии просто неосуществимы.

Согласна и с тем, что советской опере надо обновляться. Примеры интересных и плодотворных поисков в этом направлении показывают нам Борис Покровский в Москве, Роберт Стурга в Тбилиси...

— А за что любите оперу вы?

— За искренность и возвышенность чувств. За праздник музыки. За то, что это искусство и без перевода понятно людям разных народов. Вы бы видели, как восторженно принимали наши спектакли в Югославии, Болгарии, Румынии, ГДР, ФРГ. А в Испании один мальчик пришел после спектакля за кулисы и сказал, что хотел бы быть советским.

...Лет тридцать пять назад «Правда Украины» опубликовала рецензию Молостовой на балет «Под небом Италии». Это была ее первая рецензия. Позже, в 1957-м, «Правда Украины» попросила молодого режиссера быть спецкором газеты на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве.

— Мне очень нравилось писать репортажи и диктовать их по телефону прямо в номер...

Спросила я нашего бывшего спецкора и насчет надвигающегося «столетия»: наверное, быть юбиляром обременительно?

— Отвлекает от дела. Сейчас ставлю «Дон Жуана» Моцарта в опере и «Самоубийцу» Эрдмана в русской драме. И, наверное, не пошла бы на этот юбилей, если бы не желание снова побыть в кругу старых друзей, вспомнить, «как молоды мы были».

Вела беседу
Н. КАРПОВА.

ПОЗИЦИЯ ХУДОЖНИКА

...НО НЕ КОМПРОМИСС

Кого-то из принимавших спектакль смутило, что в одной из картин на сцене появляется двухспальная кровать. Такого в советской опере быть не должно!.. Вам смешно? А мне было не до смеха.

Думаю, что в тех давних спорах все-таки права была я. Не шла против совести. Потому что с детства усвоила слова отца — простого рабочего человека: «Не бойся молвы — от злых языков можно спрятаться, а от собственной совести не убежишь».

Михаил Ульянов, которого мы знаем как человека, тщательно взвешивающего свои слова, когда-то подарил ей свою книгу, написав на титульном листе: «Удивительной Ирине Александровне...». Во времена, когда немало людей жили по принципу «чего изволите?», человек, способный сказать «нет», и впрямь казался удивительным.

Друзьями ее молодости были Кирилл Лавров, Олег Борисов, Павел Луспеняев, Давид Боровский, Николай Рушковский, Сергей Филимонов... В начале шестидесятых они вместе работали в театре имени Леси Украинки.

— Прекрасное было время — веселое, полное надежд и планов. Жили в общежитии. Одной коммуной. Сколько было споров, розыгрышей. Обо всем этом я не так давно вспо-

чтобы публика сразу понимала — пора бежать в буфет... А если серьезно, то у меня хранятся 22 письма Шостаковича, где он высказывает свои суждения по поводу того, какой ему видится «Катерина Измайлова» на сцене. Рекомендации автора очень помогали. Очень.

Молостова поставила на киевских сценах более восьми-десяти драматических и оперных спектаклей. Последняя (и очень интересная) постановка — «Мастер и Маргарита» по М. Булгакову у франковцев.

Мне хотелось узнать, как с высоты своего богатого опыта мастер расценивает ситуацию в сегодняшнем театре. Сняты многие зажимы, мешающие развитию творческих сил, а профессиональная критика тем не менее бьет тревогу: в театре кризис, в оперном — даже жесточайший.

— Вы с этим согласны?

— При любых обстоятельствах не надо впадать в панику. Вспомним хотя бы такие режиссерские имена, как Товстоногов, Васильев, Покровский, Захаров, Додин, Некрошус. Стоит посмотреть и лучшие работы талантливой молодежи... Нет, ставить театру очень уж суровый диагноз, пожалуй, рискованно. По-моему, надо сказать ему спасибо за то, что он и в пору застоя

такое современная тема в искусстве? Разве мысли и чувства, скажем, Леси Украинки не созвучны тем, что сегодня волнуют нас? Разве в дворцовых интригах шекспировских пьес не просматриваются события совсем недавнего прошлого, да и дня сегодняшнего?

Луначарский в свое время высказал предположение, что в будущем люди пойдут в театр, как когда-то ходили в церковь, — за надеждой. Вечные темы — любовь, долг, самопожертвование, нравственный выбор — и есть самые злободневные. Спектакль делает современным не тема, а проблема.

— Оперу упрекают в том, что она превратилась — по крайней мере, в некоторых театрах — в парадный, «номенклатурный» жанр, а иные спектакли воспринимаются как музейные экспонаты. Не потому ли молодежи, как правило, обходит оперный театр стороной? Этак лет через двадцать-тридцать он вообще останется без публики...

— Надеюсь, этого не произойдет. И пойдет на оперу именно молодежь. Но лишь при условии, что мы сумеем дать ей достойное музыкальное воспитание. Сегодняшних рокеров, пожалуй, и к сорока-пятидесяти годам на оперу калачом не